

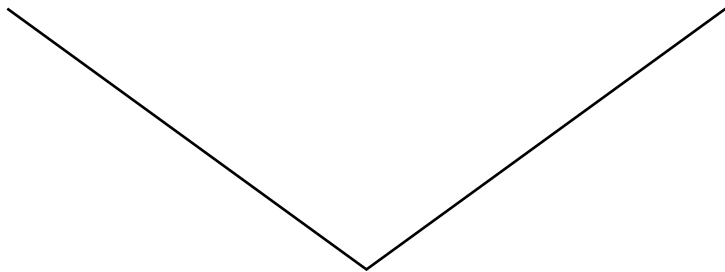
Радмила Солнцева

**Арт-директор в Департаменте корпоративных
коммуникаций Яндекса**

Произведение легкое и юмористическое, и настроение у обложки соответствующее. С героями происходит много мелких забавных катаклизмов и неурядиц, но они не унывают и продолжают свое спонтанное летнее путешествие по волнам Темзы — лодка плывет беззаботно и легко, как в детстве бумажный кораблик.

Трое в лодке, не считая собаки

Джером Клапка Джером

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44
Д40

Jerome Klapka Jerome
THREE MEN IN A BOAT (TO SAY NOTHING OF THE DOG)

Иллюстрация на обложке
Радмила Солнцева

Джером, Клапка Джером.
Д40 Трое в лодке, не считая собаки / Джером Клапка Джером ; [перевод с английского М. Салье, М. Жаринцовой]. – Москва : Эксмо, 2026. – 480 с. – (100 из 100. Суперсерия).

ISBN 978-5-04-230958-8

Трое друзей и собака отправляются в путешествие по Темзе – и каждый день превращается в череду забавных приключений, нелепостей и остроумных наблюдений. Искромётный юмор Джерома К. Джерома делает эту классическую историю лёгкой, живой и по-настоящему вечной.

**УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44**

ISBN 978-5-04-230958-8

© 000 «Яндекс Музыка»,
художественное оформление, 2026
© В. Салье, перевод на русский язык.
Наследники, 2026
© Оформление. 000 «Издательство
«Эксмо», 2026

Трое в одной лодке,
не считая собаки

Предисловие автора

Прелесть этой книги не столько в литературном стиле или полноте и пользе заключающихся в ней сведений, сколько в безыскусственной правдивости. На страницах ее запечатлелись события, которые действительно произошли. Я только слегка их приукрасил, за ту же цену. Джордж, Гаррис и Монморенси не поэтический идеал, но существа вполне материальные, особенно Джордж, который весит около двенадцати стоунов¹. Некоторые произведения, может быть, отличаются большей глубиной мысли и лучшим знанием человеческой природы; иные книги, быть может, не уступают моей в отношении оригинальности и объема, но своей безнадежной, неизлечимой достоверностью она превосходит все до сих пор обнаруженные сочинения. Именно это достоинство скорее, чем другие, сделает мою книжку ценной для серьезного читателя и придаст больший вес назиданиям, которые можно из нее почерпнуть.

¹ Стоун — около 6,35 килограмма.

Глава первая

Трое инвалидов. — Страдания Джорджа и Гарри-са. — Жертва ста семи смертельных недугов. — Полезные рецепты. — Средство против болезней печени у детей. — Мы сходимся на том, что переутомились и что нам нужен отдых. — Неделя в море? — Джордж предлагает путешествие по реке. — Монморенси выдвигает возражение. — Первоначальное предложение принято большинством трех против одного.

Нас было четверо — Джордж, Уильям Сэмюэль Гаррис, я и Монморенси. Мы сидели в моей комнате, курили и рассуждали о том, как мы плохи, — плохи с точки зрения медицины, конечно.

Мы все чувствовали себя не в своей тарелке и очень из-за этого нервничали. Гаррис сказал, что на него по временам нападают такие приступы головокружения, что он едва понимает, что делает. Джордж сказал, что у него тоже бывают приступы головокружения и он тогда тоже не знает, что делает. Что касается меня, то у меня не в порядке печень. Я знал, что у меня не в порядке печень, потому что недавно прочитал проспект, рекламирующий патентованные пилюли от бо-

лезней печени, где описывались различные симптомы, по которым человек может узнать, что печень у него не в порядке. У меня были все эти симптомы.

Это поразительно, но всякий раз, когда я читаю объявление о каком-нибудь патентованном лекарстве, мне приходится сделать вывод, что я страдаю именно той болезнью, о которой в нем говорится, и притом в наиболее злокачественной форме. Диагноз в каждом случае точно совпадает со всеми моими ощущениями.

Помню, я однажды отправился в Британский музей почитать о способах лечения какой-то пустяковой болезни, которой я захворал, — кажется, это была сенная лихорадка. Я выписал нужную книгу и прочитал все, что мне требовалось; потом, задумавшись, я машинально перевернул несколько страниц и начал изучать всевозможные недуги. Я забыл, как называлась первая болезнь, на которую я наткнулся — какой-то ужасный бич, насколько помню, — но не успел я и наполовину просмотреть список предварительных симптомов, как у меня возникло убеждение, что я схватил эту болезнь.

Я просидел некоторое время, застыв от ужаса, потом с равнодушием отчаяния снова стал перелистывать страницы. Я дошел до брюшного тифа, прочитал симптомы и обнаружил, что я болен брюшным тифом — болен уже несколько месяцев, сам того не ведая. Мне захотелось узнать, чем я еще болен. Я прочитал о пляске святого Витта и узнал, как и следовало ожидать, что болен этой болезнью. Заинтересовавшись своим состоянием, я решил исследовать его основательно и стал читать в алфавитном порядке. Я прочитал про атаксию и узнал, что недавно заболел ею и что

острый период наступит недели через две. Брайтовой болезнью я страдал, к счастью, в легкой форме и, следовательно, мог еще прожить многие годы. У меня был дифтерит с серьезными осложнениями, а холерой я, по-видимому, болен с раннего детства.

Я добросовестно проработал все двадцать шесть букв алфавита и убедился, что единственная болезнь, которой у меня нет, — это воспаление коленной чашечки.

Сначала я немного огорчился — это показалось мне незаслуженной обидой. Почему у меня нет воспаления коленной чашечки? Чем объяснить такую несправедливость? Но вскоре менее хищные чувства взяли верх. Я подумал о том, что у меня есть все другие болезни, известные в медицине, стал менее жадным и решил обойтись без воспаления коленной чашечки. Подагра в самой зловредной форме поразила меня без моего ведома, а общим предрасположением к инфекции я, по-видимому, страдал с отроческих лет. Это была последняя болезнь в лечебнике, и я решил, что все остальное у меня в порядке.

Я сидел и размышлял. Я думал о том, какой интерес я представляю с медицинской точки зрения, каким приобретением я был бы для аудитории. Студентам не было бы нужды «обходить клиники». Я один представлял собой целую клинику. Им достаточно было бы обойти вокруг меня и затем получить свои дипломы.

Потом я решил узнать, долго ли я проживу. Я попробовал себя обследовать. Я пощупал свой пульс. Сначала я совсем не мог найти пульса. Потом внезапно он начал биться. Я вынул часы и стал считать. Я насчитал сто сорок семь ударов в минуту. Я попы-

тался найти свое сердце. Я не мог найти у себя сердца. Оно перестало биться. Теперь-то я полагаю, что оно все время оставалось на своем месте и билось, но объяснить, в чем дело, я не могу. Я похлопал себя спереди, начиная с того, что я называю талией, до головы и немного захватил бока и часть спины, но ничего не услышал и не почувствовал. Я попробовал показать себе язык. Я высунул его как можно дальше и зажмурил один глаз, чтобы глядеть на него другим. Я увидел лишь самый кончик языка, и единственное, что это мне дало, была еще большая уверенность, что у меня скарлатина.

Счастливым, здоровым человеком вошел я в эту читальню, а вышел из нее разбитым инвалидом.

Я отправился к своему врачу. Это мой старый товарищ, и, когда мне кажется, что я болен, он щупает мне пульс, смотрит мой язык и разговаривает со мной о погоде — все, конечно, даром. Я решил, что сделаю доброе дело, если пойду к нему сейчас. «Все, что нужно врачу, — подумал я, — это иметь практику. Он будет иметь меня. Он получит от меня больше практики, чем от тысячи семисот обычных больных с одной или двумя болезнями».

Итак, я прямо направился к нему. Он спросил:

— Ну, чем же ты болен?

Я ответил:

— Я не стану отнимать у тебя время, милый мой, рассказывая о том, чем я болен. Жизнь коротка, и ты можешь умереть раньше, чем я кончу. Но я скажу тебе, чем я не болен. У меня нет воспаления коленной чашечки. Почему у меня нет воспаления коленной ча-

шечки, я сказать не могу, но факт остается фактом — этой болезни у меня нет. Зато все остальные болезни у меня есть.

И я рассказал ему, как мне удалось это обнаружить. Тогда он расстегнул меня и осмотрел сверху до низу, потом взял меня за руку и ударил в грудь, когда я меньше всего этого ожидал — довольно-таки подлая выходка, по моему мнению, — и вдобавок боднул меня головой. Затем он сел, написал рецепт, сложил его и отдал мне. Я положил рецепт в карман и ушел.

Я не развертывал рецепта. Я отнес его в ближайшую аптеку и подал. Аптекарь прочитал рецепт и отдал мне его обратно. Он сказал, что не держит таких вещей.

Я сказал:

— Вы аптекарь?

Он сказал:

— Я аптекарь. Если бы я совмещал в себе универсальный магазин и семейный пансион, то мог бы услужить вам. Но, будучи всего лишь аптекарем, я в затруднении.

Я прочитал рецепт. Он гласил:

*«1-фунтовый бифштекс и 1 пинта горького пива
каждые 6 часов.*

1 десятимильная прогулка ежедневно по утрам.

1 кровать ровно в 11 ч. вечера.

И не забивать себе голову вещами, которых не понимаешь».

Я последовал этим указаниям с тем счастливым результатом — если говорить за себя, — что моя жизнь была спасена и я до сих пор жив.

Теперь же, возвращаясь к проспекту о пилюлях, у меня, несомненно, были все симптомы болезни печени, главный из которых — «общее нерасположение ко всякого рода труду».

Сколько я перестрадал в этом смысле — не расскажешь словами! С самого раннего детства я был мучеником. В отроческом возрасте эта болезнь не покидала меня ни на один день. Никто не знал тогда, что все дело в печени. Медицинской науке многое в то время было еще неизвестно, и мой недуг приписывали лености.

— Эй ты, чертенок, — говорили мне, — встань и займись чем-нибудь, что ли!

Никто, конечно, не знал, что я нездоров.

Мне не давали пилюль, мне давали подзатыльники. И, как это ни покажется странным, эти подзатыльники часто излечивали меня на время. Я знаю, что один подзатыльник лучше действовал на мою печень и сильнее побуждал меня сразу же, не теряя времени, встать и сделать то, что нужно, чем целая коробка пилюль. Так часто бывает: простые старомодные средства сплошь и рядом оказываются более действенными, чем целый аптекарский арсенал.

Мы просидели с полчаса, описывая друг другу свои болезни. Я объяснил Джорджу и Уильяму Гаррису, как я себя чувствую, когда встаю по утрам, а Уильям Гаррис рассказал, как он себя чувствует, когда ложится спать. Джордж, стоя на каминном коврике, дал нам ясное, наглядное и убедительное представление о том, как он чувствует себя ночью.

Джордж воображает, что он болен. На самом деле у него всегда все в порядке.

В это время постучалась миссис Попетс, чтоб узнать, не расположены ли мы поужинать. Мы обменялись грустными улыбками и сказали, что нам, пожалуй, следовало бы попробовать съесть что-нибудь. Гаррис сказал, что некоторое количество пищи в желудке часто предохраняет от болезни. Миссис Попетс внесла поднос, мы подсели к столу и скушали по кусочку бифштекса с луком и пирога с ревенем.

Я, вероятно, был очень слаб в то время, так как примерно через полчаса потерял всякий интерес к еде — вещь для меня необычная — и отказался от сыра.

Исполнив эту обязанность, мы снова наполнили стаканы, набили трубки и возобновили разговор о состоянии нашего здоровья. Никто из нас не знал наверное, что с ним, но общее мнение сводилось к тому, что наша болезнь, как ее ни называй, объясняется переутомлением.

— Все, что нам нужно, — это отдых, — заявил Гаррис.

— Отдых и полная перемена обстановки, — сказал Джордж. — Перенапряжение мозга вызвало общее ослабление нервной системы. Перемена среды и отсутствие необходимости думать восстановят умственное равновесие.

У Джорджа есть двоюродный брат, который обычно значится в полицейских протоколах студентом-медиком. Поэтому Джордж всегда выражается как домашний врач.

Я согласился с Джорджем и предложил отыскать где-нибудь уединенное старосветское местечко, вдали

от шумной толпы, и помечтать с недельку в его сонной тишине. Какой-нибудь забытый уголок, спрятанный фееми от глаз суетного света, гнездо орлиное, что взнесено на времени утес, куда еле доносится шум бурных волн девятнадцатого века.

Гаррис сказал, что, по его мнению, там будет страшная скука. Он знает эти места, где все ложатся спать в восемь часов вечера; спортивной газеты там не достанешь ни за какие деньги, а чтобы раздобыть табачку, надо пройти десять миль.

— Нет, — заявил он, — если вы хотите отдыха и перемены, ничто не сравнится с прогулкой по морю.

Я энергично восстал против морской прогулки. Путешествие по морю приносит пользу, если длится месяца два, но одна неделя — это сплошное зло.

Вы выезжаете в понедельник с твердым намерением доставить себе удовольствие. Вы весело машете рукой друзьям, оставшимся на берегу, закуриваете самую длинную свою трубку и гордо разгуливаете по палубе с таким видом, словно вы капитан Кук, сэр Фрэнсис Дрейк и Христофор Колумб в одном лице. Во вторник вы начинаете жалеть, что поехали. В среду, четверг и пятницу вы жалеете, что родились на свет. В субботу вы уже в состоянии проглотить немного бульона, посидеть на палубе и с бледной, кроткой улыбкой отвечать на вопросы сердобольных людей о вашем самочувствии. В воскресенье вы снова начинаете ходить и принимать твердую пищу. А в понедельник утром, когда вы с чемоданом и с зонтиком в руке стоите у поручней, собираясь сойти на берег, поездка начинает вам по-настоящему нравиться.